

Петух Сопляк

Курочки появились у нас с лёгкой руки живущей неподалёку бабы Гали. Она держала над нашим невеликим хозяйством постоянное шефство и была инициатором всей нашей «продовольственной программы». Дети ходили к ней частенько за молоком, за излишками её овощной и помидорной рассады, просто поведать... Младшенькому «сыночке» было тогда года три...

Однажды дети вернулись восторженные:

– Мама, знаешь какой у бабы Гали петух! Он как наш Вова! Вот если ему согнуться-наклониться вот так...

Баба Галя пояснила, что петух – породы бройлер, от роду четырёх месяцев...

Несколько лет спустя в нашей стайке освободился закуток, и мы надумали завести курочек. Вот и отправились к бабе Гале. Оказалось, что сами куры-бройлерши цыплят не высиживают. Для этой цели нашлась простая несушка, которая тайком нанесла яиц в старый ящик с железом за гаражом и собралась их выпаривать. Баба Галя думала было охладить её пыл в бочке с дождевой водой, а тут и мы явились с планами на птицеводство...

Из подложенных вперемешку с простыми бройлерских яиц благополучно проклюнулись только две серенькие курочки. Из остальных же обычных – мелкие белые петушки... Курица добросовестно, с громким квохтаньем водила цыплят по огороду, разрывая в поисках червей землю вокруг только что окученных помидоров, от чего листва на тех желтела и засыхала...

...Рябым молодым крупным курочкам дети дали имена. Ту, что темнее, назвали Тучкой. К концу лета подросшие белые петушки пытались кукарекать, хотя получалось какое-то недоразумение. Один из них выделялся особой драчливостью, даже наскочил было на Вову, возмущённо завопившего на весь двор:

– Такой ещё сопляк, а уже кидаешься!..

Посмеялись сестрёнки, а кличка Сопляк у петуха осталась.

Наступил сентябрь – дети пошли в школу. А Сопляк по мере возмужания становился всё наглее, нападки – всё невыносимее. Взрослых он ещё остерегался, а вот погодков, Машеньку и Вову, совсем замучил.

День гулял Сопляк по двору, потряхивая гребнем и высоко поднимая когтистые ноги, придирчиво осматривая круглым глазом свои владения... Но стоило стукнуть щеколдой ворот вернувшимся с учёбы детишкам – Сопляк летел туда с растопыренными крыльями и свирепо пытался достать их клювом в приоткрытую щель... Иногда дети успевали забраться на толстые берёзовые чурки во дворе; и он бегал вокруг в бессильной злобе, пока его не отгоняла метлой мама или старшая сестра Катюшка.

Скоро, опасаясь клеветучего петуха, перестали заходить и соседи. Сопляк же освоил ещё и метание камнями!... Может быть, сначала это получалось у него случайно – захватить скрюченными когтями камень и отшвырнуть... Но с каждым днём петух Сопляк всё увереннее и мощнее метал в сторону ворот обломки кирпича...

Когда же он взлетел на спину доившей корову хозяйки и больно долбанул сквозь косынку в голову, терпение хозяев лопнуло...

...А рябая тёмно-серая курица Тучка прожила долго. Отличалась она кротким нравом, степенностью и тем, что несла крупные яйца кофейного цвета – часто с двумя желтками.

Пудель Артемон

Курица Тучка опять не смогла взлететь на седло. Другие несушки, Беляночка и Чернушка, полуприкрыв веками круглые глаза, сочувственно наблюдали, как она тяжело шлёпнулась на дощатый пол стайки в опасной близости от корыта Хрюши-Фермера, благодушно похрапывающего на сухой и мягкой подстилке из опила. Глубоко вздохнула необъятная корова Марта. По соседству почесался рогами толщиной с хозяйкину руку её сын Геркулес (чаще просто Лесик). Вся компания привычно устраивалась ко сну.

Переваливаясь своим крупным телом, Тучка поплелась к открытым воротам. Притихший в наступающих сумерках двор огласили её жалобные причитания: «Ко-ко-ко-ко-о-о...» Жаловалась и проклинала она свою неповоротливость и вес, присущий породе бройлеров. Завидовала «маломеркам», уютно согревающим боками друг дружку на перекладине. И что с того, что яйца у неё вдвое крупнее и частенько бывают с двумя желтками, если приходится снова тащиться ночевать в эту старую собачью конуру... Хорошо ещё сено там осталось, и гнездо получается мягкое и тёплое.

Ветерок шевелил и перебирал её серые пёрышки, а парочку даже ухватил, поднял выше забора и унёс куда-то в кроны шелестящих берёз.

В конуре раньше жил славный и дружелюбный пёс Моня. Не раз он позволял Тучке доклевать из его миски размокшие хлебные корочки, испить прохладной водицы. Положит бело-рыжую голову на лапы и хвостом постукивает – радуется гостю... Цыплята прибегут – и их не обидит.

Тучка ещё повозилась в сене, угнездилась поудобнее и затихла. И если случается старым добрым курам видеть сны, может, и наваяло Монино тёплое местечко ей сон о его, Мониной, жизни.

Двухмесячного беспородного щенка принесли хозяева в дом, когда их младшей дочке Машеньке было столько же. И когда её пеленали, он вставал у дивана на задние лапки и всё пытался лизнуть крохотную ручку. Так и росли они вместе.

А имя ему дала старшая – пятилетняя Катюшка. Звать его стали Пудель Артемон (Катюшка постоянно находилась под впечатлением прочитанных ей книг). Она сажала Артемона в рюкзачок и лезла с ним играть на плоскую крышу ещё недостроенного дома. Крыша огорожена дощатой опалубкой, но нависать над ней было страшновато.

Моня быстро вырос, но росту прибавлял немного. К новой конуре, сработанной хозяйскими руками, привык быстро, научился исправно «стоять вахту». Узнавал шаги хозяина и звук его старого автомобиля – тогда Монин лай становился особенно высоким и заливистым. И даже

пожилая фельдшерица из детской поликлиники теперь кричала от каляптики: «Уберите вашу Моню!» А Катюшка, возмущённо сдвинув брови, напоминала ей, что это Артемон.

Кудрявая задумчивая Машенька приходила покормить Моню «мочёной травкой», и он долго терпел её попытки запахать ему в пасть пучок прополосканных в его чашке листочков.

Иногда Катюшка наряжала его в чёрный жилет с ярко-жёлтыми цветами на полочках. И как-то он исхитрился удрать в развесёлом этом жилете через приоткрытые ворота. Увязался за сворой собак, а потом заблудился. Два дня его искали. Удивляли народ дурацким вопросом: не видели, мол, собаку в чёрном жилете? Приплёлся Моня домой сам, но сильно прихрамывая – так стёр свои подмышки проймами жениховского наряда.

Зимой в морозные дни его брали в дом. Пробовали оставлять ночевать в подвале, в хозяйской мастерской на мягкой стружке, но упрямец начинал так жалобно подвывать, что тут же оказывался на старом одеялке в прихожей.

Однажды холодным сентябрьским днём Моня снова исчез. Не пришёл и назавтра. Но вечером расслышала Катюша глухой знакомый вой, затормошила отца – иди скорей ищи.

И нашли: Моня угодил в старый провалившийся соседский погреб, и выбраться ему не было никакой возможности.

...Шло время. Детей в хозяйской семье стало уже трое. Моня привычно нёс службу на цепи. Лишь вечерами его отпускали побегать. Шерсть его со временем порыжела, он отяжелел и раздался в боках.

Как-то, вернувшись домой, хозяева увидели, что Монина конура заткнута длинной палкой.

Нанесли визит какие-то непрошеные гости. Монечка был избит этим дрыном, цепь не давала отбежать, да в конуру ещё метали плодами крупной свеклы, надёрганной в огороде... А из гаража исчезли запасные колёса к машине.

В подмогу пострадавшему охраннику взяли крупного пушистого Тузика из породы лаек. Моня взялся учить его сам – лаять только по делу, а не зря. Слушаться хозяев да не обижать домашних кур и кошек. Ученик вскоре втрое перерос наставника, но безоговорочно признавал его старшинство, с восторгом ждал совместной вечерней прогулки.

...Лето выдалось жарким и сухим. Вечерами хозяин гладил Моню по засаленной шерсти, всё обещал сводить его искупаться, но уставал за день и не мог выкроить на это времени. Когда Моня исчез и больше не вернулся, горевала вся семья. А хозяин винил себя за то, что не исполнил последнего обещания – может, и не ушёл бы, не сгинул Монечка.

Вантуз

Девочки возвращались домой от загона, куда каждое утро угоняли в стадо своих коров.

Солнышко уже поднялось, пригревало, но ещё не высушило росу, предвещавшую сухой и жаркий день. Подружки плелись по дорожке вдоль старого кладбища не спеша, будто досыпая на ходу драгоценные утренние минутки.

И вдруг Катюшка остановилась:

– Слышишь?

Она наклонилась над канавой и раздвинула могучие заросли травы-лебедеды. Тонкий плач доносился из ямки, где вяло копошились два крохотных щенка, тыкались носами в разные стороны. Катюшка взяла в руки одного – подружка второго. На ощупь щенки были холодные и какие-то затвердевшие. Пока Катя бежала домой, прижимая к животу завёрнутого в полу кофточке найдёныша, она соображала, что у Муськи котят такой же величины и, может быть, согласится кошка принять и этого беднягу.

Котята спали в коробке, слившись в тёплую полосатую кучку. Муси не было, должно быть, ушла на ревизию в подпол. Щенок пополз вглубь, под котят, разбудил, поднялся совместный писк, и на него прибежала встревоженная Муська.

– Ну Мусенька, ну изобрази, покорми, – уговаривала Катюшка, подкладывая щенка к животу кошки. А та понюхала его и принялась вылизывать.

Чёрный подкидыш быстро перерос котят раза в полтора, а потом и вдвое. Есть он хотел всегда, и если Муся была в коробке, тянул из неё последние соки, бессовестно отталкивая своих молочных братьев. Толстенный бутуз с пушистой чёрной шерсткой уже разлепил свои глазки и пытался выбраться из коробки вслед за приёмной матерью.

Скоро это у него стало получаться; поскуливая, он находил Муську и тащился за ней по полу, накрепко повиснув на брюшке кормилицы. Приучали его к блюдцу с молоком, и лакал он с аппетитом, но кошку тянул с таким усердием, что живот у той совсем облысел и обвис. Вот тогда-то и получил он свою кличку – Вантуз.

В картонной гофрированной коробке Катюшка вырезала круглую дырку. Получилась настоящая конурка. Выставила её во двор у крыльца, налила чашку молока и поселила в нее Вантуза.

В новом жилище он полежал недолго. Вылез и пошел куда глаза глядят, оглашая воздух душераздирающими рыданиями. И Муся не вынесла. Пришла к нему, легла на прогретую кирпичную дорожку и принялась утешать, кормить и вылизывать. И так изо дня в день. Пока не унёс хозяин щенка со смешным именем своему коллеге. Искал там человек собачку небольшую, чтоб на чужих лаяла... И служил Вантуз потом долго и исправно. Только сменили ему имя на благозвучно-созвучное – Тузик.

А Муся четыре раза в год приносила по четыре котёнка... Ловила где-то у соседей здоровенных пёстрых хомячков и тащила потомству. К старости хвост у неё сделался тонким, как верёвочка, провисли спина и живот. И тихо отошла... Наверное, в своё небесное кошащее царство, потому что она его заслужила.

Геркулес

Утро выдалось сырое и серое, а за оградой висел плотный белый туман, завесивший ближнюю рощу и дорогу к ней.

Пока хозяйка доила Марту, курицы опять стащили любимое лакомство – бумажку со сливочным маслом, которым перед дойкой смазывались чисто вымытые Мартины соски, иссушенные ветрами и солнцем. Старая курица, бройлерша Тучка, с завистью следила, как гоняются за счастливицей остальные легконогие и вертлявые подружки и как яро они расклёвывают бумажку до последнего клочка.

В своём загоне терпеливо ожидал Лесик. Хозяин, как всегда, почёсывал ему густую шерсть на лбу и обмахивал от несносных мух-комаров, а тот норовил лизнуть в благодарности хозяйскую бороду.

Геркулесу-Герочке-Лесику в мае исполнилось два года. В стаде он намного перерос других бычков (редко кто оставлял и годовалых). Могучим красавцем восхищались хозяева и их детишки. С рождения приученный к ласке, к терпеливому дружескому общению, он уже будто понимал человеческое слово. Старшая хозяйская дочка Катюшка, ловкая и гибкая, как прутик, даже любила прокатиться на нём, гордо восседая на широкой спине возвращающегося с пастбища любимца. Лесик давно привык, никогда и попытки стряхнуть не сделал, бережно нёс иногда и малышей-погодков, хотя отец и выговаривал за это Катюшке.

И тем не менее, наблюдая такую яркую демонстрацию мягкости характера, народ почему-то пятился от Лесика куда подальше, серьёзные мужики норовили схорониться за кучей брёвен да запастись хворостиной потолще...

Была у добродушного быка одна страсть: не мог он равнодушно пройти мимо кучи песка! В неистовом порыве разбрасывал её крепкими рогами, торжествуя трубя и роя при том копытом. Радовался, как телёнок, а со стороны картина выглядела устрашающей.

Марта с полным тяжёлым выменем пощипывала листья клёнов, ожидая, пока хозяин уgomонит неразумного её сына... На приличном расстоянии размахивали руками возмущённые бабульки.

Дома во дворе Лесик любил играть с Тузиком. Тот покусывал нагнутую голову меж толстых рогов, а Лесик делал вид, будто хочет его боднуть. Если кто-то стучал в калитку – бык первым бежал посмотреть.

Выходила хозяйка и с крыльца отзывала его:

– Лесик, Лесик, сюда!

И он послушно бежал к ней и взбирался бывало по бетонным ступеням, от чего нижняя наконец не выдержала испытаний и треснула.

Иногда случалось Лесику влюбиться. Он мог вечером увязаться за своей избранницей. Мать не бросала его – искать нужно было обоим. Стоял где-нибудь у захлопнутых перед самым носом ворот обескураженный жених в сопровождении уставшей за долгий день, измученной жарой и оводом матерью Мартой... Ей бы поскорей добраться до стойла, попить, подоиться – да лечь отдохнуть...

...Май в том году, когда она принесла Лесика, стоял холодный. Под заборами ещё лежал посеревший снег, ветер колот лицо пролетающей ледяной крупой. Телёнка обтёрли сеном, дали облизать матери и укутанного унесли в дом. Там отгородил ему хозяин тесноватый, устланный соломой уголок, где и научился он пить из кастрюльки мамино парное молоко, вставать на крепкие ножки с удивительно большими копытцами и громогласно звать среди ночи маму: «ме-е-е», потому что «му» ещё не получалось.

Через две недели резко потеплело – можно было переселять малыша в стайку к матери.

Марта подбирала на пустыре остатки стоявшего там зимою стога, пощипывала жидкую пробивающуюся травку, когда углядела, что хозяин ведёт, обнимая под брюшко прилично подросшего родного её дитятку... Открытые воротца были заложены поперёк перекладиной!... Она упала на колени – широкая, чёрная, растерявшаяся от радости, и попыталась проползти под ней... С тех пор они были неразлучны.

На другой год у Марты родилась тёлочка, ещё в апреле, и потому пришлось прожить ей в доме месяц с лишним. А когда привели наконец в соседний с матерью загончик, Марта отнеслась к этому событию равнодушно – она уже не узнала дочку. Так и подрастала Забава, оттираемая и матерью и братом, пока не продали её в хорошие руки.

У Лесика была ещё одна отличительная черта: как ни умаялся он за день, но первым делом обнюхает-осмотрит дощатый настил на своей половине стайки. Позаботился ли хозяин подсыпать свежего пахучего опила ему на подстилку? А нет, так и будет стоять, ждать, шумно выдыхая ноздрями горячий воздух...

Весной водили Марту и Лесика на обязательные прививки в ветеринарный участок.

Стекались с окрестных улиц вспотевшие владельцы с упирающимися, не умеющими ходить на верёвках нетелями и бычками.

Марту вёл хозяин, Лесика – гордая Катюшка. Она же спокойно держала его пальцами за ноздри, пока брали кровь на анализ. Углядела, шустрая, ухватку ветеринара, Лесик и не дрогнул. После долгого зимнего топтания в надоевшей стайке бык радовался дальней прогулке, интересному обществу. На вопросы любопытных по поводу хозяйских намерений насчёт быка хозяин весело отвечал, мол, пусть живет сколько Бог даст...

А в середине лета начались неприятности. Всё чаще возмущались у загона для стада крикливые, припахивающие перегаром старики, заявляли, что уж и пастухи могут отказаться в поле идти с таким-то бугаём. Бесплезно было им доказывать, насколько больше хлопот доставляют семимесячные тёлки, шарахающихся от пастухова старого мерина, чем порядочный и безобидный Геркулес. Тёлки, которые норовят сбежать с непривычки куда глаза глядят, не признают правил...

Горластые активисты всё же добились своего... День-другой пасла Катюшка Лесика сама на пустыре у рощи. Подкашивал и хозяин ему травы, но долго так продолжаться не могло: потому как маялся хозяин позвоночником, а у Катюшки и других хлопот полон рот.

...Когда подъехала машина с надставленными повыше бортами и остановилась у ворот, хозяин подозревал Геркулеса. Грузовик подпятился прямо к куче песка, так обожаемой Лесиком, шофёр откинул задний борт и пристроил сходни из пары сколоченных досок. От них исходил такой знакомый и привычный для Лесика запах: не один год возил грузовик заготконторы коров и бычков... Поддел Лесик песок в последний раз, стряхнул себе на спину и пошёл послушно в кузов, наращенный досками в отметинах чужих рогов.

Купчиха

Дедушка держал кроликов давно и успешно. Его дети выросли на борщах, пельменях и пирогах из крольчатины. Шились шапки: мальчикам серые, дочкам белые с длинными ушками. Семья была большая, и трудно представить, как бы жили, не будь этого подспорья. Много лет дедушка выписывал журнал «Кролиководство» и старался ему соответствовать. В клетках было чисто и сухо, у крольчих обязательно маточники – спаленки для гнезда с крольчатами. Налажены были связи по обмену поголовьем с другими любителями.

Крольчих в зиму оставлял двух-трёх; они всегда носили женские имена: Тамара, Наташа... Названия пород звучали сказочно – Белый великан, Бабочка, Шиншилла.

Дедушка знал привычки и хитрости своих подопечных. Был один год у него невзрачный пуховый крол, живущий третьим ярусом, который непременно пускал струю, как только доходила очередь потянуться за его кормушкой... Дед вёл строгий журнал учёта – как приходила питомицам пора котиться, вставал зимними ночами не по разу, ходил проверять. Бдил – не разбросала ли по клетке потомство молодая крольчиха. Складывал их в тёплое пуховое гнездо, добавлял матери самого отборного сена с клевером и люцерной.

Сено сушил сам на крыше сарая. Летом изо дня в день косил литовкой траву где-нибудь в неудобьях за тридевять земель, потому как покос кролиководам не выделялся. Ездил дедушка за травой на мотоцикле Иж-49 без коляски, с высоко задраным задним сиденьем, подобным велосипедному, только с кольцом для держания. В шлеме, очках и кожаных крагах он походил на авиатора начала двадцатого века.

Туго набитые, связанные вместе два больших мешка перекидывались по бокам мотоцикла и непременно подтыкался букет полевых цветов для женской половины семьи. Дома дедушка растрясал траву, чтобы не «загорела», выбирал-выбрасывал жёлтый ядовитый лютик и звал бабушку понюхать, как пахнет донник...

Усадьба у них была маленькая, куда втиснулись и парничок с огурцами, немного помидоров да зелени, и навес с клетками. Эта теснота сыграла как-то свою роль в одном трагическом случае. Привезли дедушке дрова и свалили во двор, где и низкорослому, тугому, как колбаса, Шарикуну повернуться негде было. Дедов сын собрался пилить стволы и резко дёрнул за шнурок бензопилы...

Красавец иссиня-чёрный блестящий крол по имени Саддам сразу и завалился... Умер от разрыва сердца от неожиданного, оглушительного рёва за тонкой дощатой стенкой его жилища.

На племя дед оставлял самых достойных представителей длинноухих. Но годы брали своё. Дедушка перенёс инфаркт. И пришлось ему оставить мотоцикл и передать детям своё хозяйство.

Так и появилась в доме его дочери крольчиха. Крупная, большелопая и молодая. Дед сам принёс её в корзине, обвязанной тряпочкой.

– Вот вам ваша Купчиха.

Своей дородностью, тройным подбородком и медлительностью она очень соответствовала кличке. Клетку ещё не приготовили и пустили крольчиху свободно скакать по дому. Дети были в восторге. На руки взять её было невозможно, и девочки ложились перед ней на пол, заглядывали в морду, морщили, как Купа, свои носики... Когда очень уж надоедали, она громко стучала задними лапами и убегала.

...Купчиха порыскала по комнатам и сама определила себе место. Недавно сложенный камин ещё не топили, и в его кирпичной арке она увидела подобие клетки, а может быть норы. Так и жила какое-то время на свободном содержании: грызла свою морковку, гуляла, пугая кошку, по всему дому и запрыгивала обратно в камин...

Скоро крольчиха озаботилась устройством настоящего мягкого гнезда, хотя крольчат вовсе и не ожидала. Сначала в камине оказался льняной парик от старой куклы. А ночью хозяин сквозь сон слышал, как кто-то возится в ногах, подвинулся – дать место, как думал, кошке...

Утром же вся семья ошарашенно разглядывала папину кровать. В пододеяльнике будто вырезали неровный круг диаметром с сиденье табурета, ну а в камине под крольчихой дети разглядели край именно такой тряпочки. Выгрызла зубами и запасла впрок на будущее.

Купчиха станет родоначальницей большого кроличьего племени. И отцом её крольчат из первых выводков будет Князь Серебряный...

Этот годовалый крол с красивой светло-серой с искоркой шкуркой первую зиму жил в тёплом просторном подвале дома, где была и котельная, и мастерская хозяйина. Запирать его в клетку просто не поднималась рука – такой он был общительный и любознательный. Встанет бывало столбиком, вытянув шею, и разглядывает – чем там хозяин за верстаком занимается... Не боялся даже шума токарного станка, скакал поблизости, обучался, должно быть. Только иногда устраивал сюрпризы...

Однажды в подвале пропало электричество. Пришлось спускаться с фонариком, выискивать причину. И что же? Часть кабеля оказалась покрошенной в лапшу острыми кроличьими зубами. И как-то не ударило током разбойника! А потом появились в глиняном полу подвала неглубокие норы. Иногда из норы торчал и серый хвостик. Пришла пора поселить длинноухого владельца благородного имени на постоянное место жительства.

...Кроличья колония из двух рядов клеток размещалась за домом, в глубине двора.

Милая, чистенькая и бессловесная живность тыкалась мягкими носами в сетку, пока хозяин по очереди чистил клетки и раздавал мешанку из овощей и комбикорма... А как-то один выводок исхитрился открыть дверку. Гуляли весь день по огороду – лакомились в своё удовольствие молодой капустой и салатом, пока не обнаружилось их самоуправство да не рассадили их по местам.

Прошли годы. Дети выросли. Хозяйства не держат, но с теплотой рассказывают уже своим малышам про проказницу Купу, про любознательного Князя Серебряного, про быка Геркулеса и про славную курицу Тучку.

Про всех, кто у нас был.